

вечерний детектив

Читайте
остросюжетные романы

Елены ДОРОШ

 в серии
«Вечерний детектив»:

Брошь с черным опалом

Портрет девочки в шляпе

Королевская лилия

Крест Шарлотты

ДОРОЖНИЦА

Портрет
девочки
в шляпе

МОСКВА
2022

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Д69

ПРИСОЕДИНЯЙТЕСЬ К НАМ!

МЫ В СОЦСЕТЯХ:

www.eksmo.ru

 vmirefiction

Редактор серии *А. Антонова*

Оформление серии *С. Курбатова*

В коллаже на обложке использована фотография:

© Daykiney / Shutterstock.com

Используется по лицензии от Shutterstock.com

Дорош, Елена.

Д69 Портрет девочки в шляпе / Елена Дорош. — Москва : Эксмо, 2022. — 320 с.

ISBN 978-5-04-165503-7

Лора – искусствовед, специалист по установлению подлинности картин. Тихая, скучная работа? Как бы не так! Имея дело с портретами женщин из рода Строгановых, Лора оказывается в самом центре опасной и запутанной криминальной истории, корни которой уходят в глубь веков и за океан. Придется разбираться, где фальшивки, а где подлинники, причем это относится не только к картинам, но и к людям...

УДК 821.161.1-312.4

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-165503-7

© Дорош Е., 2022

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

НА СОЛНЕЧНЫХ БЕРЕГАХ АМЕРИКИ

Сегодня впервые за долгие годы ему приснился дивный сон. Настолько приятный, что, проснувшись, он стал его додумывать. Нежась в постели, досочинял сюжет и сам удивился, какая благодатная получилась картина.

В конце концов солнце, беспощадное даже сквозь плотные римские шторы, выдавило его из мягкой кровати. Кряхтя и почесываясь, он встал и пошел вглубь комнаты, подальше от светила, напевая:

— Не уходи, побудь со мною, пылает страсть в моей груди...

Приподнятое настроение утра не испортил даже кофе, который он любил выпивать на террасе и который нынче оказался чуть теплым.

— Варвара, ты дура, — объявил он горничной, — какого хрена ты наливаешь кофе, если я еще не вышел?

Варвара, дебелия рослая баба, ничуть не смутившись, забрала чашку, тут же поставила новую, налила и, удаляясь, пробурчала:

— Не вышел он! Как это не вышел, если я своими глазами видела — вышел!

— И снова ты, Варвара, дура. Я вышел без шлафрока. Посему вернулся, чтобы облачиться. Или ты не в курсе, в чем я поутру обычно...

Он повернулся посмотреть, внимает ли ему бестолковая Варвара, но ее и след простыл.

— Дура, — повторил он в третий раз.

Затем с удовольствием отхлебнул кофе и пропел на мотив услышанной когда-то глупой русской песенки:

— Дура ты моя синеглазая, без тебя мне не прожить и дня...

Положительно, утро удалось.

Он посидел еще немного в тени, но поскольку солнце неумолимо продолжало наступление и двигалось как раз к террасе, пришлось ретироваться. В холле он остановился и посмотрел в зеркало. «Зерцало», как любовно назывался сей предмет, не показало ничего хорошего. Да-с, все-таки старость — не радость. Когда тебе за восемьдесят, щеки румянцем не горят и здоровьем не пышут. Однако сегодня глаза блестят, и чувствует он себя отлично. А это уже немало по нынешним временам.

Он прошел в кабинет и сел за стол. Стоявшая на столе шкатулка из красного дерева, инкрустированная перламутром и украшенная двадцатью пятью алмазами, двадцатью сапфирами чистой воды и четырьмя крупными изум-

рудами по углам, казалось, издавала нежный аромат сандала.

Он осторожно погладил поверхность и мягко нажал на головку ангела, украшавшую замок. Внутри что-то щелкнуло, и шкатулка открылась.

— А ларчик просто открывался, — прошептал он и осторожно достал из бархатного чрева шкатулки золотую медаль на голубой ленте.

Императрица на медальоне была изображена в профиль. Надпись гласила: «Б.М. Екатерина. П. Императ. и самодерж. Всеросс.» Внизу, как положено, имя медальера — Тимофей Иванов. На тыльной стороне — Екатерина с Девой Марией возле алтаря и надпись в две строки: «коронована в Москве» и «сент. 2д. 1762».

Вдоволь насмотревшись на награду, он закрыл шкатулку, а медаль взял с собой. В углу кабинета стоял портновский манекен, обряженный в парчовый шлафрок, в точности какой был на нем самом, с перекинутой через плечо голубой орденской лентой. Он аккуратно прикрепил медаль к планке и отошел, чтобы полюбоваться.

— Ну, кажись, неплохо. Вылитый Александр Сергеевич Строганов! Первый граф в нашем роду!

Отступив еще немного назад, он так и эдак покрутил головой, любуясь манекеном, потом со вздохом убрал медаль в шкатулку, сунул ее под мышку и пошел, сначала по кори-

дору вглубь огромного дома, потом открыл неприметную взгляду дверь и стал спускаться в подвал. Там он остановился перед другой дверью — сейфовой, привычно потыкал толстым пальцем в цифры электронного замка, сказал «сезам откройся», и дверь отъехала в сторону.

Хозяин дома прошелся по большому залу вдоль стен, увешанных портретами, и остановился возле музейной витрины в центре.

— Там царь Кащей над золотом чахнет, там русский дух, там Русью пахнет, — пробасил он, понял, что сфальшивил в конце, и, откашлявшись, повторил последнее слово.

— Пааахнееет! Вот так!

Под стеклом лежали ордена, медали, портсигары, памятные подарки и орденские ленты. Он пристроил медаль на бархатную подложку, шкатулку поставил на стол с мраморной столешницей и пошел к выходу. По мере его движения гасли устроенные в потолке и стенах лампы.

Лишь шкатулка долго продолжала поблескивать драгоценными камнями и золотом таблички, на которой было выгравировано: «Графу А. С. Строганову от благодарной Екатерины в честь Тезоименитства».

ГЕРМАН

Плотность населения деревни Любилки — девять человек на восемь дворов. Семь одиноких, брошенных бабок и дед Кирьян с мальцом.

Деда в деревне не любили. Причин тому было несколько. Первая, что Кирьян ни с кем из соседок не только не любился, а и дружбы не водил. Хотя был крепок и силен не по годам. Бабки, конечно, не первой свежести, однако выбор все же был. Анютка была других моложе ненамного, однако собой симпатичная и еще фигуристая. Шура полноватая и рыхлая, как квашня, но зато на лице ни одной морщинки и ямочки на щеках. Были свои прелести и у других, но Кирьян ото всех нос воротил. Однажды подрядился крышу перекрыть у Любки. Перекрыл, а когда она сказала, что согласная, чего уж там, на другой день стал по другой стороне улицы ходить и больше свою помощь никому не предлагал. Просили — делал, конечно, но после работы от

угощения отказывался и сразу бежал домой со своим парнишкой водиться. А мальчонка-то, все ведь знали, был приبلудный и Кирьяну вовсе не родня. Тот привез мальчика из интерната в другой области, куда ездил отходником и подвизался то стропалем, то столяром, то вовсе печником.

Звали приبلуду Геркой, и поселился он в Любилках, когда имел от роду всего три года. Где его Кирьян надыбал, никто не знал, однако документы выправил честь по чести, содержал в строгости, но в достатке, учил всему, что сам умел, старался одного не оставлять и ни на кого менять не хотел — ни на жену, ни на любовницу.

Все удивлялись и тому, что, когда Гера подрос, в интернат его дед не отправил, а стал возить в районную школу, для чего приобрел и отладил мотоцикл с коляской.

Наведывались к Кирьяну из органов опеки не раз, однако плохого ничего не находили. Хозяйство дед вел исправно, за мальцом следил, к учебе нареканий не было, так что, как ни рядили о нем соседки, как губы ни поджимали, жили старый да малый дружно да весело.

Лет с семи Кирьян стал брать мальчишку с собой на заработки. Только тот на каникулы, они тут же вместе наладятся куда-нибудь. Особенно часто в Успенскую пустынь, где семеро монашек восстанавливали обитель и нуждались в помощи, как никто.

Когда Герка подростом, стал ездить в пустынь сам. В Любилках и не знали, что в обители начал мальчишка рисовать. Была при монастыре небольшая иконописная и реставрационная мастерская. Матушка Варвара сама была из художников, насельниц нашла таких же и организовала артель.

До окончания школы Герка там обитался и, видно, многому научился, потому что учиться отправился в Петербургский институт самых главных искусств, выучился и стал работать реставратором, да не где-нибудь, а в каком-то приличном месте, где платили вовремя и хорошо.

После этого Кирьяна невзлюбили еще больше. Мало того что приبلудный парнишка птицей высокого полета оказался, так еще деда не бросил, а отремонтировал дом, пристроил мастерскую, купил Кирьяну УАЗ «Патриот», стал навещать то один, то со товарищи и жить подолгу, работая на свежем воздухе в свое удовольствие.

Одна польза — стали в Любилках появляться молодые люди, Геркины друзья, снимали у бабок жилье, а это существенно увеличило доходность местного населения.

Но все равно хорошей жизни Кирьяну не простили и за глаза осуждали. За что? Да за все!

Герка относился к дедовым соседкам с пониманием, посмеивался только. А что касает-

ся Кирьяна, тот словно не замечал предвзятого отношения, радовался успехам своего мальчика и жил себе, не тужил.

Лет до восьми он думал, что зовут его Герасим, а фамилия — Сайкин. Как у деда. Когда впервые увидел свое имя в свидетельстве о рождении, был удивлен. Оказывается, по документам он — Герман Александрович Строганов. В школе по фамилии никого не называли. Зоя Петровна считала, что детей надо звать только по имени и уменьшительно-ласкательно. Герочка, Герушка — вот что он привык слышать. Дома дед звал Геркой, а иногда Гераклом. В шутку, конечно. Рос мальчик высоким, но тощеньким. Прямо былинка на ветру. Вот Кирьян и посмеивался над его худобой. Гера не обижался, но к сведению принял. Записался в секцию при районном клубе, начал заниматься дома и к «осьмнадцати», как говорили в Любилках, годам стал крепким и плечистым.

Сразу после школы в питерский Институт искусств и реставрации он все-таки не поступил. Выпускнику сельской школы не хватило баллов. Герка особо не переживал и решил отслужить в армии. Забрали его осенью, а уже через два года он все же стал студентом.

В институте Герман получил кличку Фриц за немецкое, как все считали, имя. Гера к прозвищу привык и даже подписывал им свои работы. Рисовал он неплохо, преподаватели пророчи-

ли успех, но Герман стал реставратором и никогда об этом не жалел. Воспитанный в сельской глуши, он ценил уединение и тишину. Кропотливость и терпение, необходимые для реставратора качества, дед воспитывал в нем с детства. Герман занимался этой непростой работой с удовольствием и за несколько лет преуспел. В профессиональных кругах считалось, что Фриц может «вытащить» любую, даже самую тяжелую, картину или икону. И это была правда.

Живопись Герман не бросил, иногда даже что-то продавал, чаще дарил. Летом разрисовал районный клуб, где ему помогли укрепнуть, потом актовъй зал в школе, а Зое Петровне расписал забор, да так, что к нему стали привозить школьников на экскурсии. В Успенскую пустынь он по-прежнему ездил часто. Там его привечали и гордились. Он помогал и монастырю, причем много. Матушка Варвара теперь сама училась у него новым приемам, узнавала, с какими химикатами лучше работать по тем или иным поверхностям, и много всякого другого.

Кирьян не мог дожидаться от Германа только одного — женитьбы и детишек. Мечтал застать то счастливое времечко, когда его выкормыш обзаведется семьей. Однако время шло, Гере перевалило за тридцать, а дело не сдвинулось. Девушек вокруг парня крутилось немало, но никакая не засиделась, не прирослась.

Одно время Кирьян надеялся на Геркину однокурсницу по имени Светлана. Света была хороша всем — и статью, и светлой пушистой косой, и румянцем во всю щеку. А пуще всего она нравилась Кирьяну домовитостью. Не успела появиться в их с Геркой доме, как сразу начала готовить, прибираться, даже бельишко на речку ходила полоскать. Кирьян уже прикидывал, не начать ли материалы для пристройки к дому закупать. И только он уж было обрадовался, как пушистокосая и румянощекая Светлана исчезла. Дед приступил с расспросами к Герке, но на того где сел, там и вокзал.

— И чего девку забраковал? Ведь как сильно тебя любила! Аж стелилась вся.

Герка только усмехнулся.

— Да не любила она меня. Просто замуж сильно хотела.

— Она хотела, а ты, значит, не хотел?

— Выходит, не хотел.

Вот и весь сказ.

На следующее лето Герка привез другую. Та бельишко не стирала. Та была пава. Правда почти безволосая, с коротким ежиком вместо кос, но зато волоокая. И имя имела соответствующее — Хельга. Эту дед Кирьян побаивался. Скажешь вроде хорошее и простое, а она поведет своими коровьими глазищами, и сразу кажется, что чушь какую-то сморозил. Кирьян маялся, но терпел. Лишь бы Герке было с ней

хорошо. Но волоокая Хельга испарилась еще быстрее Светланы.

Потом девушки стали, как выражался Кирьян, мелькать перед глазами. То одна мелькнет, то другая. Но никто не примелькался настолько, чтобы остаться в их жизни навсегда.

Ничего хорошего в этом не было, но что делать? Дед Кирьян запасся терпением и стал ждать.

ЛОРА

Ее дед вырос в Пушкинском детдоме № 10, куда перед войной привозили детей испанских коммунистов. Мигель Алонсо был самым младшим из них. Его вывезли в три года, поэтому родителей своих он не помнил. В России прижился, завел семью и наплодил детишек. Женился, впрочем, тоже на испанке, девочке из интерната, поэтому в роду все были черноволосые и смуглые. Как-то получилось, что последующие скрещивания не размыли эту испанскую внешность, поэтому Долорес Сарита Алонсо выглядела, как и вся ее родня, типичной жительницей Пиренейского полуострова. Высокая грудь, тонкая талия, крутые бедра.

В Петербург семья перебралась, когда Лора была младенцем, поэтому она считала себя коренной ленинградкой и обожала этот северный город. Испанская кровь впустила в себя холодную неевскую воду, и получилась интересная смесь из южной страстности и северной рас-

судочности. Своенравная и гордая, как испанка, жесткая и строгая, как истая северянка. Вот такая выросла девочка. Характер ее никому не нравился, кроме нее самой. Как ни старались родители и школа приручить этого иноходца, ничего не получалось. С таким характером только к тиграм в клетку или на стройку прорабом, но неожиданно для всех Сари, как звали ее в семье, поступила учиться на искусствоведа и стала заниматься атрибуцией — установлением авторства картин, времени их создания и прочими сложными вещами, которых в семье простого служащего отродясь не понимали. При таком характере корпеть над книгами, копаться в документах и просиживать месяцами в архивах и лабораториях? Это вообще не для нее! Как она может? Но она могла и получала от этого удовольствие.

Как и от танцев. Лет в одиннадцать родители отдали ее в кружок, где учили танцевать фламенко. Надо же было как-то поддерживать испанский дух и традиции! Шла Лора упираясь, но после первого занятия стала бегать в кружок с охотой. Страстный танец оказался ей по нраву. Повзрослев, она не только не бросила детского увлечения, но стала вести кружок сама, когда ее педагог переехала в другой район.

После смерти Мигеля отец Лоры Антонио Алонсо стал часто ездить на встречи детей испанских коммунистов, вывезенных в СССР.

На последней он увидел книгу об истории этих детей и их семей. С волнением Антонио прочитал, что Мигель Алонсо происходил из знатного испанского рода Алонсо де Витория. Многие испанцы имели двойные фамилии, и вторая часть с приставкой «де» чаще всего присваивалась по названию местности. Витория-Гастейс — столица Страны Басков. Именно там находились обширные земли рода Алонсо. Во время франкистского путча Алонсо выступили против бунтовщиков, а один из них, Карлос, и вовсе связался с коммунистами, женился на девушке из народа и погиб вместе с ней в 1939 году. Их кроха-сын был спасен и вывезен в Советский Союз.

Потрясенный Антонио поспешил познакомиться с автором книги — Альберто Хименесом. От него Антонио узнал, что род Алонсо де Витория здравствует по сей день и даже процветает. Им будет приятно узнать, что в далекой России проживает кровная родня. Альберто сообщил, что в ближайшее время собирается посетить Петербург и будет рад рассказать подробности при встрече.

Вскоре он и вправду приехал. Хименес познакомился с женой и дочерью Антонио и с охотой поделился всем, что знал, за семейным обедом.

Лору он с ходу стал называть Саритой, по ее второму имени, как звали ее только самые близкие.

Через месяц Альберто снова навестил испанских друзей и позвал Лору на свою лекцию в Герценовский университет. Потом пригласил в театр. Затем в ресторан. Тут родные догадались, к чему все идет, и обрадовались.

Альберто Хименес был еще молодым, не более сорока, человеком, умным, хорошо образованным, вполне состоявшимся. Кроме того, он умел нравиться. Именно эту его способность Лора заметила сразу и, как выразился Антонио, «взъерепенилась». Все, в чем виделась попытка манипуляции, вызывало у нее бурный протест. Хочешь мне понравиться и уверен, что у тебя все получится как не фиг делать? А вот и нет! Неприятие возникало вовсе не в результате «факторного анализа или построения четких силлогизмов», к которым призывал отец. Лора просто чувствовала, что Альберто не ее человек. Хотя, если бы не поступательно-наступательные телодвижения в ее сторону, не ласковые, нет, ласкающие глаза, прикладывание к ручке, заглядывание в лицо, Лора могла бы общаться с доном Хименесом вполне мирно. Он много знал, был прекрасным рассказчиком. Слушать его можно было бесконечно. Но и только.

По наивности или малолетству Лора думала, что если не замечать явных сигналов с его стороны и продолжать общаться по-дружески, то можно долго держаться на этой стадии отношений. Дон Хименес думал иначе. Однажды вечером, вернувшись с работы, Лора заста-

ла Альберто обсуждающим с ее родителями матримониальные планы. По взволнованным и счастливым лицам Антонио и Долорес она поняла, что вариант отказа в этом кругу даже не рассматривался.

Разговор с отцом состоялся в тот же вечер. Вернее, уже ночью, после того как откланялся окрыленный надеждами дон Хименес.

Антонио искренне не понимал, почему Лора не хочет замуж и собирается жить одна.

— Один — это неплохо. Только синонимический ряд подкачал! Одинокий, одиночка! Ты только послушай, как страшно это звучит! Так и до «одичалого» недалеко!

Когда Антонио Алонсо горячился, у него всегда потели очки. Он достал платок, но вместо очков вытер сухой лоб.

— Сейчас это тебя не пугает. Понимаю. Но... не понимаю почему?

— Папа, не в этом дело! Я не хочу одичать! Я нормальная! Но мне не все равно с кем! Это ты можешь понять? — отбрыкивалась Лора.

— Именно об этом я и говорю! И нам не все равно! Тут мы с тобой едины! — наседал Антонио.

— Хватит уже синонимических рядов!

— Сарита, прекрати орать как дикий осел!

— Ору, потому что ты меня в упор не понимаешь!

— Я понимаю тебя лучше, чем ты сама! Дон Хименес — один из нас! Сохранится глав-

ное — единая ментальность! Испанский дух!
Кровь!

— Ууууу!!! — взвыла непокорная дочь. —
Не могу больше! Все!

И хлопнула дверью. А на следующий день
собрала вещички и съехала.

Как объяснили ее переселение из родного
дома на съемную квартиру у черта на куличках
дону Хименесу, Лора не спрашивала. Но, похо-
же, он все понял. Или ей так казалось? Во вся-
ком случае, перестал маячить у нее перед но-
сом, что было неплохо само по себе.

Хотя... иногда Лоре казалось, что он про-
сто затаился.

ОЛЬГА ТИМОФЕЕВНА

В то время Лора писала работу по портретному искусству восемнадцатого века и часто работала в Строгановском дворце, музейные экспозиции которого включали несколько замечательных работ того времени.

Там Лора познакомилась с Ольгой Тимофеевной, одной из смотрительниц, которые обычно сидят на стульчиках у входа в залы. Старушка обратила на себя внимание Лоры своей непохожестью на строгих музейных дам. У нее были ярко-розовые волосы и малиновая помада на губах бантиком. Девушка присмотрелась к необычной смотрительнице и почувствовала необъяснимую симпатию, словно к родному, давно знакомому человеку. Старушка была такой же белой вороной в славном племени музейных работников, как и Лора в своей семье.

Потомственная ленинградка, Ольга Тимофеевна прожила в этом городе безвылазно всю жизнь. Ее мать девочкой пережила блокаду, потеряв всю семью. После войны замуж

не вышла. Мужиков было мало, да и те на тощую блокадницу, пусть даже молоденькую, не клевали. Из эвакуации вернулось много женщин. Их тоже потрепало войной, но все же они были более откормленными и бойкими. Аделаиде ничего не оставалось, как постараться хотя бы родить ребеночка, чтобы было за чем жить. Сначала она попробовала с двумя сотрудниками наркомата, где трудилась машинисткой. Ничего не получилось. То ли плохо старалась, то ли в блокаду все в ней вымерзло и высохло. Последнюю отчаянную попытку она предприняла, когда к соседке вернулся муж. Безногий, весь израненный, да еще сильно пьющий Силантий казался совсем не годным для этого дела, но Аделаиде больше ничего не оставалось. Когда соседка уехала в деревню за картошкой, она напоила бедолагу и буквально завалила на себя. Наутро Силантий ничего не помнил, а она начала ждать. И чудо случилось. Через месяц Аделаида поняла, что беременна. Девочка родилась недоношенной и слабенькой, но выжила. Аделаида назвала дочку Ольгой в честь поэтессы-блокадницы Ольги Берггольц, а отчество записала по своему батюшке — Тимофеевна.

Несмотря на болезненность, Ольга росла любознательным и веселым ребенком, много читала и хорошо училась. После семилетки освоила профессию стенографистки и устроилась по протекции Аделаиды в тот же нар-

комат. Все бы хорошо, только с мужиками у Оленьки не ладилось, как и у матери. Не то чтобы она была некрасивой, но, видно, так уж им обеим на роду было написано. Мужики рядом с ней надолго не задерживались. Словно природа мстила за то, как Аделаида зачала ребенка. Соседка, жена Силантия, родила мальчонку почти одновременно с Аделаидой. Витек и Ольга росли вместе и славно дружили, но, вернувшись из армии, парнишка надумал жениться на подружке. Аделаида, услышав эту весть, отвела дочь подальше от дома, в парк, и там растолковала что к чему. К новости, что Витек приходится ей родным братом, Ольга отнеслась с юмором, мать винить не стала и жениха отшила в тот же день. Парень обиделся и по примеру папаши запил. Соседка взялась было скандалить, но Ольга быстро заткнула ей рот и спровадила. Вечером они с матерью, правда, немного всплакнули, но делать нечего, и две одинокие женщины продолжали жить дальше.

Аделаида протянула до восьмидесяти. После ее смерти Ольга осталась в их коммунальной квартире одна. Силантий с женой померли еще раньше, сгинул где-то на Северах и Витек. Две комнаты стояли закрытыми, в третьей жила Ольга Тимофеевна. Чтобы не сдохнуть от одиночества и скуки, она начала чудить. То летом отправится гулять в костюме снеговика, то прицепит на самокат клаксон и рассекает на нем по

улицам, пугая прохожих, то купит парик Снегурочки с белой косой и кокошником сверху и пойдет в булочную. Розовые волосы были самым невинным развлечением. Она все-таки не была сумасшедшей и понимала, что в музее разгуляться ей не дадут. Быстренько спровадят вон. А ей нравилось работать в великолепных дворцовых залах, рассматривать посетителей, слушать экскурсоводов, а после смены не спешить домой, а читать книги в знаменитой библиотеке или прогуливаться по опустевшим залам, пока уборщицы наводят чистоту.

За двадцать лет работы в музее Ольга Тимофеевна увидела и узнала много интересного. Только менее одинокой от этого не стала.

Молодая сотрудница научного отдела подошла к Ольге Тимофеевне познакомиться на пятый день своего появления в Строгановском дворце. Она была интересная, эта смуглая черноволосая девушка яркой неславянской внешности. Ольга Тимофеевна всегда любила новые знакомства, они разговорились и легко сошлись, понравившись друг другу. Причина столь быстрой взаимной симпатии была непонятна, но натура обеих была такова, что раздумывать над этим они не стали, а просто получали удовольствие от общения.

Старушка сразу стала называть новую подружку Лолкой, а та ее — Тимофеевной, Мадам или Ваша светлость. Они полюбили пить чай с белевской пастилой во время обеденного пе-

рерыва и болтать обо всем на свете. Узнав, что из-за конфликта с родителями девушка живет на съемной квартире в пригороде и добирается до работы почти два часа, Ольга Тимофеевна, не раздумывая, позвала ее с себе. Лора согласилась, и, ко всеобщему удивлению, они дружно зажили вдвоем в квартире на Захарьевской улице, недалеко от Литейного проспекта. Тимофеевна открыла комнату, которая принадлежала когда-то ее деду и которой она не пользовалась. Они вымыли и вычистили все, что можно, выбрали вместе новый диван, установили на кухне душевую кабину, купили новый чайный сервиз и чайник со свистком.

Вечерами они вели беседы на самые разные темы. Им было интересно и весело друг с другом.

— Вот скажи мне, Лолка, как ты с таким характером да и пошла на такую работу? — недоумевала Ольга Тимофеевна.

— С каким таким и на какую такую, Мадам?

— Характер у тебя бойкий и... как бы это сказать... взрывоопасный, а работа степенная, кропотливая и... скучная, уж извини.

Лора захохотала.

— Насчет характера вы правы на все сто, но про работу не соглашусь. История искусства — это же Клондайк открытий! Я писала диплом по Жан-Марку Нантье. Это художник начала восемнадцатого века, который портреты Петра Первого и Екатерины, жены его, написал. Так

я столько накопила, что просто запала на это дело! Ни один жанр не вызывает столько немыслимой путаницы, как портрет. А в восемнадцатом веке с атрибуцией вообще беда была! Это дико интересно — получить неизвестную работу неизвестного художника, а потом откопать и художника, и модель. То есть их имена, а не трупы. Или найти картину, которая считается утраченной. Это просто кайф!

Лора запихала в рот кусок пастилы и даже головой помотала от наслаждения.

— До чего я пастилу обожаю! А еще финики! Надо завтра купить. Чайку подлить?

Вечер прошел очень весело. Они много смеялись и не подозревали, что неприятности уже на подходе и совсем скоро станут угрозой для их развеселой жизни.

ГАЛЯ

Утром Галя выбросила увядшие цветы и вымыла вазу. Звонок матери отвлек, и она не успела обтереть вазу насухо. Целый день на работе ее мучила мысль о том, что на полке остался мокрый след. Вернувшись домой, она первым делом кинулась к вазе. Так и есть! Даже к вечеру мокрый кружочек не подсох. Это было ужасно! Схватив тряпку, она вытерла полку и аккуратно расставила милые сердцу вещицы — шкатулку «для драгоценностей», фигурку ангелочка с крылышками, свою фотографию в красивой рамке и тарелочку на подставке, в прошлом году привезенную из Турции. Ну вот. Теперь все правильно. Она посмотрела в зеркало и в который раз понравилась себе. Вот уж действительно — что хорошо, то хорошо.

Галя Гнатюк считала себя очень порядочной девушкой. В прямом и переносном смысле слова. На практике это означало, что к двадцати пяти годам она не спала ни с одним мужчиной и любила порядок во всем. Галя называла

это «гигиеной души и тела» и гордилась ее доминированием в своей жизни. При этом она не была «синим чулком» — любила посидеть с подружками в кафе, выпивала по праздникам и кокетничала с парнями. Но раз и навсегда в ранней юности определив для себя границы дозволенного, никогда их не нарушала, чем безусловно гордилась.

С двадцати одного года Галя жила отдельно от родителей. «Самостоятельная жизнь» также была одним из пунктов, необходимых, по ее мнению, для безупречной упорядоченности существования. Квартира пусть и небольшая, но непременно своя. Обстановка тоже соответствовала пониманию того, как должно выглядеть жилище порядочной девушки. В комнате полированная «стенка» от окна до двери, напротив диван, по бокам два кресла из того же гарнитура, журнальный столик на ковре перед диваном, телевизор — в нише напротив. Шторы под цвет бежевеньких обоев украшали ламбрекены, на подоконнике и небольших полочках на стенах стояли одинаковые горшки с цветами. Кухня и прихожая тоже были образцом правильности. Особенно хозяйке нравился «кухонный уголок», состоящий из столика и углового диванчика. Каждый день, проходя с влажной тряпкой по квартире, Галя снова и снова убеждалась, что чистота и порядок — главные условия счастливой жизни правильной женщины.

Отметив двадцатипятилетие, Галя решила, что пора обзавестись семьей. Решение не было спонтанным. Просто сперва надо было твердо стать на ноги в профессии и наладить быт. Дослужившись до ведущего бухгалтера приличного медицинского учреждения и обустроив жилище, она осознала, что пришло время шагнуть на следующую ступень. Будучи девушкой умной, Галя понимала, что в их крохотном городишке правильного мужа не сыскать. Для ее планов нужен был солидный вариант, а его можно было найти только в большом городе. Для этой цели Петербург вполне годился. Сам город, по мнению Галины, был не совсем правильным в смысле нравов, но женихов в нем водилось, несомненно, достаточно для того, чтобы сделать верный выбор.

Основательно все обдумав, Галя стала действовать.

Лора не спешила домой. Надышавшись краской и химикатами в лаборатории, где сегодня пришлось пробыть целый день, она чувствовала легкое головокружение и решила пройтись пешком. К тому же как можно медленнее. Погода располагала. Весна только начинала теплиться, но воздух уже пропитался ожиданием чуда. Пахло арбузом, талой водой и мокрой корой. Лора неторопливо шагала вдоль Мойки, стараясь надышаться весенними ароматами. Настроение медленно становилось лирическим

и вдохновляло купить мороженое, стаканчик с жареными орехами или пучок вербы с еще не распустившимися нежными почками. Она поискала глазами и увидела тележку с мороженым. Крепкий поджаристый рожок с пломбирным шариком внутри повысил настроение еще на пять градусов. Можно погулять до Дворцовой набережной, постоять у парапета, а потом нога за ногу двинуться домой. Идея была замечательной. Лора уже приготовилась счастливо вздохнуть, и тут раздался звонок.

Тимофеевна скороговоркой выпалила, что у них проблемы, надо срочно бежать домой, иначе ее, старушку древнюю, кондратий хватит, и отключилась. Доедая на ходу мороженое, Лора припустила на Захарьевскую. Ольга Тимофеевна ждала на пороге. Розовые волосы веером стояли вокруг головы, глазки-пуговицы на нарумяненном лице горели негодованием.

— Лолка, черт тебя дерит, где ты ходишь, запынаясь? Я тут чуть не сдохла!

Лора испугалась.

— Ольга Тимофеевна, вам плохо? Что болит?

— Да нет! — старушка топнула ногой от нетерпения. — Не то болит, что болит! А то болит, что на нас надвигается катастрофа!

— Не поняла! Что случилось-то?

— Случилось все самое поганое!

— К нам едет ревизор?

— Хуже! К нам поселяется Галя!

— Господи боже мой! Какая Галя?

— Не поминай Господа всеу! Тем более что он тут ни при чем! Тут работал его оппонент!

Лора решила, что пора привести разбушевавшуюся подругу в чувство.

— Так, стоп! Я все равно ничего пока не понимаю, поэтому поступим так. Сначала я разделюсь и помою руки, потом мы сядем пить чай, и вы мне все расскажете? Сава?

— Требьен, мон шер, только предупреждаю, что до чая я уже окочурюсь!

— Уверяю, Мадам Тимофевна, что с вами ничего не случится.

Лора нарочито неспешно прошла в свою комнату и закрыла дверь. Что еще за Галя такая? Почему возможность ее появления на пороге так взволновала Ольгу Тимофеевну? Стоит ли и ей начинать нервничать? Девушка торопливо переделась. Да ладно. Сейчас все узнаем и будем решать проблемы по мере их поступления.

Мадам Тимофевна сидела в уголке за кухонным столиком и, пригорюнившись, мешала ложкой манную кашу. Личико было грустным и жалостливым. Лора села напротив и налила им обоим чаю.

— Ну и что мы так всполошились? Что случилось? Кто такая эта Галя?

Старушка молчала, страдальчески скривив малиновые губки бантиком. Так, значит? Решила помучить? Следовательно, ничего ужасного

не произошло. Ну, тогда и мы помолчим. Посмотрим, кто спасует первым.

Лора сконструировала себе бутерброд и, оглядев причудливую композицию из хлеба, сыра, ветчины, листиков рукколы, нарезанных кружочками помидорок, маслин и каперсов, откусила кусок.

— Ммммм... Моя прелесть! Как я всю эту вкуснятину люблю и обожаю!

Зажмурив глаза, она отхлебнула из кружки и примерилась ко второму куску.

— Паразитка ты! Как есть чистая паразитка! Мне кусок в горло не лезет, а она уплетает, аж за ушами трещит! Лолка — обжорка!

— Так я вас спрашиваю, а вы в молчанку играете! Что я, по-вашему, должна делать?

— Ничего! Вот припрется Галя, тогда узнаешь почему фунт лиха!

— Да хватит меня своей Галей запугивать! Лучше расскажите все толком и по порядку!

— Не буду ничего рассказывать! Вот сдохну, а тебя совесть замучает!

— Да за что ей меня мучить?

— За то, что думаешь, будто я просто со скуки верещу, а страшного ничего нет!

— Ничего я так не думаю!

— Думаешь, как пить дать!

— Уфффф...

Лоре ужасно хотелось съесть свой дивный бутерброд, который надкушенным и брошенным лежал на тарелке. А еще допить свой стре-

нительно остывающий чай. Надо завязывать с этой перепалкой.

— Ольга Тимофеевна, я вас официально предупреждаю. Если вы сейчас же не прекратите истерику и не расскажете, что случилось, я уйду в свою комнату и до завтра не выйду. Так и знайте.

Лора сразу поняла, что старушка струхнула. Так тебе и надо! Будешь знать, как спектакли устраивать! Она наконец откусила второй кусок и глотнула чаю.

Ольга Тимофеевна тяжело вздохнула.

— Ну так и быть. Прощу твой эгоизм и наплевательство.

— Ваша светлость!

— Да ладно, ладно! Я ж уже рассказываю!

Кривясь и вздыхая, старушка поведала историю своего знакомства с Галей. Та приходилась Ольге Тимофеевне седьмой водой на киселе. Она была внучатой племянницей того самого Витька, сводного брата по общему отцу и по совместительству неудачливого жениха. После смерти Силантия его жена снова вышла замуж, родила дочь, а та, в свою очередь, в третьем браке подарила миру Галю. Проблема была в том, что одна из комнат квартиры, в которой жила Ольга Тимофеевна, принадлежала Галиной матери. Саму мамашу Тимофеевна видела от силы раза два. Первое время помещение сдавалось, и весьма успешно, но последние несколько лет приличных претен-

дентов на комнату в квартире без удобств не находилось, а пускать разных проходимцев хозяйка жилплощади боялась: мало ли что, потом хлопот не оберешься. И тут комната в центре города приглянулась молодой наследнице — Галине.

Сначала Ольга Тимофеевна даже обрадовалась, что ее одиночество скрасит новая соседка. Она ждала с нетерпением и дождалась. Все началось прямо с порога. Галина вошла, вежливо поздоровалась и спросила:

— А что за ужас у вас на голове?

Ничего ужасного на голове Ольги Тимофеевны не было. Аккуратная коротенькая стрижечка. Правда, сбоку свисала длинная синяя косичка, но она смотрелась очень мило и, несомненно, украшала, придавая и без того стильному образу некую пикантность.

Ольга Тимофеевна замешкалась, а Галина прошла и по очереди заглянула во все двери.

— Фу, как у вас грязно...

Это была вопиющая ложь! Ольга Тимофеевна ценила чистоту и наводила ее регулярно, просто она любила художественный беспорядок, который, по ее мнению, отличал уютное жилище от гостиницы.

Задохнувшись, Ольга Тимофеевна открыла рот, чтобы ответить, но новая соседка уже вошла в принадлежащую ей комнату и скрылась, вежливо извинившись из-за закрытой двери, что не может больше разговаривать по причи-

не великой усталости. Так и сказала — великой усталости.

Целый час Ольга Тимофеевна отпаивала себя чаем. Потом, успокоившись, решила, что проигранное сражение еще не означает, что проиграна война. Она тут живет много лет и не позволит новоявленной соседке портить настроение.

— Ничего страшного не произошло, — сказала она себе, — все может быть гораздо лучше, чем кажется.

Но все оказалось гораздо хуже. Галя вела себя так, будто бы она здесь хозяйка, а соседка — никчемная приживалка. Она смело вводила новые порядки, устанавливала свои правила, не спрашивала ничего разрешения, ничьим мнением не интересовалась, всегда знала, как должно быть правильно, и считала свой выбор безупречным. При этом она всегда была довольна собой и ежедневно пребывала в хорошем настроении.

Последнее убивало Ольгу Тимофеевну больше всего. Прорваться сквозь железобетонную стену самодовольства и самоуверенности было абсолютно невозможно. Все попытки, порой очень активные и даже агрессивные, разбивались о непроницаемую, чисто вымытую поверхность Галиной души.

В конце концов вымотанная непосильной для ее возраста борьбой за выживание Ольга Тимофеевна решила тихо умереть, забившись

за плинтус, и тут выяснилось, что Галина приехала не насовсем, а просто «погостить». Через три месяца невыносимых страданий Ольга Тимофеевна обнаружила дверь в комнату соседки запертой и опечатанной по всем правилам, то есть поперек двери была наклеена бумажка, а замочная скважина залеплена какой-то глиной, на которой виднелся отпечаток то ли перстня, то ли печати, то ли еще чего-то, неизвестного науке.

Ольга Тимофеевна долго не могла поверить своему счастью, каждый день боялась, что соседка вернется, подходила к двери в комнату и прислушивалась: вдруг Галя затаилась внутри и ждет, когда ее жертва расслабится, чтобы снова появиться, как черт из табакерки?

Прошел год, и Галина забылась, как страшный сон. И вдруг вчера Ольга Тимофеевна узнала, что Галя возвращается и, по-видимому, навсегда! Выяснилось это случайно. На домашний телефон позвонила Галина мать и поинтересовалась, приехала ли ее доченька домой. Она так и сказала — домой! Ольга Тимофеевна облилась холодным потом.

— Судьбы свершился приговор! — закончила она свое повествование.

Лора видела, что подруга расстроена и испугана не на шутку. Она впервые видела Тимофеевну в таком состоянии. Обычно бойкая и неунывающая, старушка сидела, скорчившись и поникнув, как писал поэт, «гордой головой».

— Так. Ну что ж, предыстория интересная. Даже захватывающая. Непонятно только, чего вы так струхнули? Ну, Галя, ну, едет... И что из того?

— В этот раз она меня доконает...

Лора фыркнула.

— Ха! Да не родился еще тот богатырь, который вас доконает! Просто вы не были готовы к татарскому набегу вот и оплошали! Теперь враг не застанет вас врасплох! Помните, мы читали у Фредерика Бакмана, что бабушка никогда не бывала жертвой несчастного случая, наоборот — все несчастные случаи становились ее жертвами? Так это про вас! Кроме того, нас теперь двое! Пусть попробует воевать с превосходящими силами противника! Я теперь живу тут не на дармовых хлебах, а как полноправная хозяйка.

— Только это меня и вдохновляет. Как хорошо, что я тебе дедову комнату продала.

— Это было провидческое решение. Пусть теперь ваша ужасная Галя попробует покуиться на наш покой!

— Ты ее не знаешь...

— Так и она меня не знает! Полно горевать! Пока мы едины — мы непобедимы! Ротфронт! Сарынь на кичку, как говаривал Стенька Разин, и все такое.

— Я боюсь, — продолжала хныкать Тимофевна.

— Плюнуть и растереть! Лучше знаете что? Вышьем-ка по рюмашке! А? Что скажете?

Этот прием всегда действовал безотказно! Тимофевна встрепенулась и заблестела глазом.

— Заметьте! Не я это предложила!

— Беру все грехи на себя! Ну что? Хлопнем?

— Эх... была не была! Аут висэрэ, аут морри! Со щитом или на щите! Где там у нас коньячок спрятан?

— Лечу, Мадам Тимофевна!

Лора достала из заначки в комодке початую бутылочку «Курвуазье», Тимофевна ловко накрыла на стол, и они начали свой маленький шир.

Вечер они провели в приподнятом настроении.

ИГРА В ПОДКИДНОГО

На следующий день, когда Тимофеевна еще сладко спала, Лора услышала, как кто-то открывает входную дверь. Она вышла из кухни и увидела хрупкую блондинку, втаскивающую в коридор огромный чемодан. Девушка обернулась и, увидев Лору, мило улыбнулась.

— Здравствуйте. Я вас не побеспокоила? Старалась войти как можно тише, чтобы никого не разбудить.

Лора несколько растерялась. Девушка не была похожа на кровожадного монстра. Напротив, весь ее облик говорил, что она нежное и беззащитное создание.

— Вы Галя? — с сомнением спросила Лора.

— Да. А вы... кто?

— Меня зовут Лора. Я здесь живу.

— В гостях?

— Ммм... Можно и так сказать.

— А... — протянула Галя, по-видимому успокаиваясь. — Понятно. А я думала...

— Что?

— Нет, ничего. Просто не знала, что у нас гости.

Ого! У нас? Хорошенькое начало! Не успела войти, как тут же обозначила свой статус! Я тут хозяйка, а ты всего лишь гость! Должно быть, это означает, что Лора должна знать свое место и не вякать! Милая девушка.

Лора хмыкнула и, повернувшись к соседке спиной, сказала:

— Ольга Тимофеевна действительно еще спит, так что постарайтесь потише.

Галя издала какой-то странный звук, как будто булькнула. Лора, не оборачиваясь, продолжала готовить завтрак, а когда вышла в коридор, то обнаружила, что соседка убралась в свою комнату.

Итак, знакомство состоялось, и оно заставило Лору насторожиться. Девушка Галя, очевидно, была не так проста. Возможно, Ольга Тимофеевна не зря так паниковала. Ну что ж. Предупрежден — значит вооружен.

Утром Галя вышла на кухню одетая в симпатичное домашнее платье, с аккуратной прической. Особенно мило смотрелся передничек с изображением фруктовой корзинки. Она вежливо поздоровалась и спросила, кто сегодня дежурный по кухне. Лора, помешивая кофе, ответила коротко:

— Вы.

— Я? — захлопав ресницами, удивилась Галя. — Но я только вчера приехала. Со мной никто ничего не согласовывал.

— Я просто не успела вас уведомить.

Лора перелила кофе из турки в две чашки и поставила их на поднос.

— А где же...

— График я вывешу сегодня.

— А почему...

— Ваши дни начиная с понедельника — день через два. Сегодня понедельник. Следующее дежурство в четверг.

— Но я не...

— На средства для уборки мы скидываемся раз в месяц по тысяче.

Никакого графика у них с Тимофеевной отродясь не было, и на моющие средства, понятное дело, никто не сбрасывался. Покупал тот, кто первый вспоминал, что стиральный порошок закончился неделю назад, а бутылку от средства для мытья посуды выкинули вчера. Обычно этим человеком была Лора. Зато Ольга Тимофеевна обожала покупать шампунь, какой-нибудь новый, из рекламы, с поразительным эффектом, и мыло, вкусно пахнущее, «свеженькое», как она говорила. Такого добра у них всегда было с избытком. Они вообще никогда не обсуждали вопрос о том, кому мыть полы на кухне и в коридоре или убирать туалет. Право на это сразу застолбила за собой Лора. Еще не хватало заставлять Ольгу Тимофеевну ползать с тряпкой!

Заявление новоявленной соседки о «графике дежурств» было неожиданным, но всегда готовая отразить любую агрессию Лора отреаги-

рвала привычно и, гордая собой, не глядя на Галю, прошествовала в комнату Ольги Тимофеевны.

Старушка прихорашивалась перед зеркалом и как раз красила губки, когда Лора принесла кофе.

— Ты чего такая румяная? — спросила она.

— Провела первый раунд с нашей новой соседкой.

— Да ну?

Ольга Тимофеевна повернулась и с интересом посмотрела на подругу.

— И какой счет?

Лора хмыкнула.

— Один ноль в нашу пользу.

— Советую не впадать в эйфорию, — рассудительно заметила старушка, отхлебнув из чашки, — Галя так просто не сдастся.

— В этом я как раз не сомневаюсь. Но железобетонная уверенность в своих силах — ее слабость. Она настолько не сомневается в том, что всегда все делает правильно, что пропускает удар.

— Представляешь, вчера она поймала меня у туалета и спросила, сколько ты собираешься у нас гостить. У нее, видишь ли, есть ценные вещи, и присутствие чужого человека заставляет ее беспокоиться об их сохранности. Сучка!

— Ну, вы конечно сказали ей, что я выкупила у вас комнату и проживаю здесь на законных основаниях?

— Сказала бы, если бы она спросила. Но она же ничего не спрашивает! Она всегда все знает сама!

— Ну и не говорите. Это даже интересно. Посмотрим, что она будет делать.

— Лолк, может, не надо с ней связываться? Она страшная!

— Не страшнее ядерной зимы.

— Не уверена.

— Так что, купим торт и пойдем на поклон?

— К кому?

— К вашей Гале.

— Еще чего!

— Значит, будем жить, как жили, и не позволим никому лишать нас радости бытия. А кто с мечом к нам войдет, тот от меча и погибнет! Ладно, допивайте кофе и побежим на работу. Сегодня нам по пути. Я в Строгановский.

Они вышли из дома вместе и, раскрыв зонтики, быстрым шагом пошли к Летнему саду, кроны деревьев которого виднелись впереди. Дождик был мелким и неожиданно теплым, они болтали, перепрыгивали через лужи и скоро забыли о своей «непростой» соседке.

В самом деле, чего о ней думать?

Через несколько дней Лора поняла, что хранилась зря. Жить, как жили, не получалось. Галя не давала расслабиться ни на день. Каждое

ее появление в «местах общего пользования», как Галя называла кухню, становилось испытанием для нервной системы. Мягкой лапкой Галя тянула на себя одеяло жизни, отбирая его у других. Когда Лора была дома, она успешно пресекала поползновения соседки, но в те дни, когда Ольга Тимофеевна была не на дежурстве и оставалась одна, Галя, как вампир, высасывала из нее кровь. Беда была в том, что панический страх перед соседкой просто парализовал волю старушки. Лора этого понять не могла и злилась на подругу, но Ольга Тимофеевна продолжала смотреть на Галю, как кролик на удава, пила таблетки и готовилась отойти в мир иной, что, как подозревала Лора, Галю вполне устроило бы.

Быстро сообразив, что с Лорой так просто не сладить и кровососущая тактика не работает, Галя решила действовать жестко. Рано утром, когда обитатели ставшей в одночасье «нехорошей» квартиры только продирали глаза, явился участковый с двумя сопровождающими. Понятые, сразу догадалась Лора, увидев у порога двух теток с поджатыми губами.

Галя вышла из своей комнаты, как всегда аккуратно одетая и причесанная волосок к волоску. Ждала, значит. Лора лучезарно улыбнулась вошедшим и остановилась перед живописной группой, склонив голову набок и разглядывая незваных гостей. Участковый, пожилой не-

опрятный дядька, кашлянул и, встретившись с Галей глазами, нахмурил брови.

— Гражданка Алонсо Долорес Саритовна?

Привыкшая к искажению своего имени в некоторых кругах, не меняя выражения лица, Лора кивнула. Участковый посуровел еще больше.

— Ваши документки.

— С удовольствием продемонстрирую. Прошу пройти в комнату.

Лора церемонно поклонилась и сделала приглашающий жест. Как японская гейша.

Участковый оглянулся на теток, но те уже тронулись с места, с любопытством заглядывая Лоре через плечо. Гурьбой они ввалились в комнату и сгрудились у порога. Оглядевшись, участковый не торопясь взял паспорт, который опять же с поклоном протянула Лора. Тетки зашептались.

— Так, посмотрим.

Сдвинув фуражку с потного лба, он углубился в изучение документа.

— Тут написано Долорес Сарита. Без отчества. Это что?

— Это имя такое, гражданин начальник.

— Вы что, египтянка?

Батюшки святы! Он и про Египет знает!

— Я испанка. Поэтому имя у меня... испанское.

Участковый побагровел.

— На каком основании находитесь в нашей стране?

— Я нахожусь в нашей стране на том основании, что я гражданка Российской Федерации. Родилась в городе Санкт-Петербурге, где и проживаю на данный момент.

— А прописка где? — встряла одна из теток.

— Гражданин начальник, вы страничку переверните, там про прописку все написано.

— Прошу не указывать! — рассвирепел представитель закона.

Страничку с отметкой о регистрации он рассматривал так долго, что даже тетки у него за спиной заскучали. Только Лора смотрела ласково и приятно улыбалась.

— Так, понятно, — наконец выдал участковый, — и документики на помещение имеются?

— А как же! Кто ж меня регистрирует без документиков? А в чем, собственно, дело, товарищ участковый?

— Сигнал поступил.

Участковый вытер лоб и надвинул фуражку.

— Божечки мои, вот ужас! Сигнал? О чем же сигналили?

— Да получается... ни о чем.

Не глядя на теток, он стал пробираться к двери. Тетки всполошились и тоже полезли вон. Получилась небольшая суголока. Лора наблюдала с удовольствием. Наконец компания, торопливо попрощавшись, убралась восвояси. Лора, помахав рукой и пригласив заглядывать в гости

без церемоний, закрыла дверь и обернулась. Дверь в комнату Гали тихонько закрылась.

Пять-ноль в нашу пользу. В самом наилучшем настроении Лора пошла заваривать чай. Скоро встанет Тимофевна. То-то повеселится.

Весь день Галя не показывалась на глаза и вечером постаралась убраться в свою комнату до прихода Лоры. Ольга Тимофеевна, довольная одержанной викторией, еще до прихода подруги опрокинула рюмочку коньячку и вышла ей навстречу с огромным красным бантом в волосах.

— Это у вас что, фригийский колпак?

— Лолка, ты — мой герой!

— Не уверена. По-моему, я веду себя глупо!

К концу дня Лора остыла и была недовольна собой, поэтому от предложенного Мадам Тимофевной банкета отказалась.

— Мне, конечно, приятно умыть Галю, но по правде говоря, жалко тратить столько времени и сил на доморощенного абыюзера. Получается, мы играем по ее правилам. Надо завязывать с этим подкидным дураком!

— Точно! Вовремя напомнила! Может, перекинемся в картишки?

Лора планировала поработать перед сном, но посмотрела на подругу и махнула рукой.

— Давайте.

— Тогда, может, по рюмашке?

— Хотите подпойть, чтобы я не заметила вашего жульнического жульства?